

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Не убей	5
Глава первая. Поле чести	25
Глава вторая. Безумие зла	55
Глава третья. Вне владений ее величества	87
Глава четвертая. Поверьте мне, я не врач	117
Глава пятая. Убывающая отдача и прирост капитала	147
Глава шестая. Niraeth	177
Глава седьмая. Губная помада на зеркале	205
Глава восьмая. Корпорации	235
Глава девятая. Убийство: введение в понятие	265
Избранная библиография и примечания к источникам. . .	301
Глоссарий	314
Благодарность.	325
Примечания.	328

УДК [343.9:94](410)
ББК [67.5:63.3](4Вел)
М79

Kate Morgan
MURDER: THE BIOGRAPHY

©Kate Morgan 2021

All rights reserved.

Морган, Кейт.
М79 Законы пишутся кровью. Убийства и их последствия для уголовной системы Англии / Кейт Морган ; [перевод с английского В. Айерс]. — Москва : Эксмо, 2025. — 336 с. — (По ту сторону закона. Люди, кланы, группировки).

ISBN 978-5-04-191904-7

В книге исследуется сложная и многогранная природа убийства как явления, «красной нитью» проходящего сквозь человеческую историю и культуру. Кейт Морган анализирует убийства не только как акт насилия, но и как социальный и культурный феномен, рассматривая его влияние на искусство, литературу, моральные нормы, историю и право.

От средневековых баллад до современных дел, провокации, самооборона, безумие, корпоративная халатность и ошибочные осуждения, эволюция законов и общественного мнения. Обо всем этом автор рассказывает в книге, проводя глубокий анализ используя примеры из реальной жизни, мифологии и поп-культуры, чтобы показать, как убийства формировали человеческое поведение, общественные структуры и меняли правовую систему.

Эта книга станет интересным чтением для всех, кто хочет познакомиться с законодательной системой на ярких примерах из истории человечества. Также книга станет незаменимой прикладной литературой для историков и юристов, которым интересна история и эволюция правовой и уголовной системы.

УДК [343.9:94](410)
ББК [67.5:63.3](4Вел)

ISBN 978-5-04-191904-7

© Айерс Валери, перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ВВЕДЕНИЕ

НЕ УБЕЙ¹

«Растекаются алые волны»

На записи вначале слышен треск граммофона, а затем шарманка воспроизводит жуткую музыку. Пронзительный голос, поющий на немецком, выговаривает букву «р» с каким-то зловещим удовольствием. Даже для тех, кто не понимает языка, ритм песни, похожий на детский стишок, звучит обескураживающе знакомо:

*Und der Hai-fisch, der hat Zähne, Und die trägt er im Gesicht...
(У акулы зубы — клинья, все торчат, как напоказ...)*

Песня Die Moritat von Mackie Messer («Баллада о Мэки-Ноже»), написанная поэтом и драматургом Бертольтом Брехтом и композитором Куртом Вайлем, является вступлением к мюзиклу 1928 года «Трехгрошовая опера». Пьеса рассказывает о бандах нищих и воров, заполонивших викторианский Лондон. Главный среди них — злодей Макхит, печально известный своими

¹ Шестая Божья заповедь «Ветхого завета», упоминающаяся в книгах: «Исход» — глава 20, стих 13, и «Второзаконие» — глава 5, стих 17. — *Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.*

убийствами. Ему и его преступлениям посвящена баллада уличного певца в начале оперы.

В 1950-х годах оперу поставили на Бродвее, а уже в 1955 году Луи Армстронг перевел песню на английский, наложив на ритмичную джазовую мелодию. Так Mackie Messer получил новую аранжировку и стал называться Mack the Knife.

Пару лет спустя еще одну кавер-версию песни выпустил американский певец Бобби Дарин. Вскоре мелодия и вовсе стала классикой для лаунж-исполнителей — ее перепевали Фрэнк Синатра, Элла Фицджеральд и бесчисленное множество других артистов. Вот только часто упускается из виду жуткое происхождение этой песни, являющейся обновленной версией традиционного средневекового «Моритата», или, как еще называют в культуре, «баллады об убийстве». Подобные произведения были популярны не только в Германии, но и в остальной Европе. На протяжении веков с помощью незамысловатых запоминающихся мелодий рассказываются истории об убийствах, мести и правосудии. «Делайла» Тома Джонса — еще один яркий пример популярной и узнаваемой современной песни, исполненной от лица убийцы и рассказывающей о жестоком преступлении на почве страсти.

Мэкки — воплощение убийцы как народного героя, которого любят и ненавидят почти в равной степени. Прославление его подвигов затрагивает основы нашего ужасающего интереса к убийствам, когда мы одновременно заинтригованы и возмущены произошедшим. Преступления Мэкки в песне перечисляются с восторгом, она поздравляет убийцу, сумевшего избежать разоблачения. Конечно, в версиях Армстронга и Дарина выходки Мэкки сильно смягчены — оригинальные немецкие куплеты куда мрачнее, там он обвиняется в изнасиловании и убийстве нескольких женщин. Остается неизменным лишь тонко замаскированное восхищение преступником. Созданный Дарином портрет Мэкки, где тот из беспринципного бандита превратился в учтивого гангстера, принес ему

премию «Грэмми» за лучшую пластинку 1959 года. Однако мексиканцы¹, которые написали и спели первоначальные баллады, даже после новой аранжировки все равно узнали бы свои истории о жестокой расправе и кровавой мести.

На протяжении всей нашей истории насильственная смерть одного человека от рук другого сопровождала нас: в песнях, которые мы поем, в произошедших событиях и совершенных поступках. Даже в историях, которые мы рассказываем друг другу. В шотландском фольклоре, согласно преданиям, «слуа»² — полчище злобных духов, которые нашли пристанище в ночном небе. Не обремененные мирскими заботами, они витают над Гебридскими островами в поисках живых людей, особенно грешников. Забирают тех с собой в небо и сбрасывают на землю со смертельной высоты. Редко можно увидеть слуа в их видимой физической форме. Чаще всего их представляли в виде стаи ворон. Угольно-черная птица долгое время фигурировала в народных сказках как недобрый знак или даже предвестник смерти. Она питалась телами мертвых и всегда стремилась к местам захоронений — таким, как поля сражений и кладбища. Ничто не ассоциируется с убийствами так же сильно, как мрачный образ стаи ворон.

Тяга к историям об ужасных поступках и людях, которые их совершают, — неотъемлемая часть человеческой природы. Она видна еще в средневековых моритатах³ и викторианских пенни дредфулах⁴ — и продолжается в документальных фильмах и подкастах о преступлениях, которые мы сегодня так жадно поглощаем. Сегодня баллады сменились Netflix-ом,

¹ С XII в. так называли поэтов-музыкантов авторской песни, они зарабатывали деньги игрой на музыкальных инструментах и исполнением популярных баллад. — *Прим. ред.*

² Слуа — толпа, множество. В шотландском и ирландском фольклоре означает непокоенных духов.

³ Moritat (*нем.*) — одна из форм немецкого фольклора, морально-назидательные картинки.

⁴ Penny dreadful (*англ.*) — «грошовой ужасы», выходившие каждую неделю и стоившие один пенни. В России такого рода литература также известна как «бульварные романы».

но истории остались теми же. Правдивые или вымышленные, убийства — это то, что привлекает всех без исключения. На базовом уровне такие истории похожи на сказку о борьбе добра со злом, где роли жертв и злодеев четко распределены. Чаще всего в основе таких историй есть элемент тайны и загадки, которую необходимо разгадать. Переизбыток детективных романов в первой половине XX века был воплощением этого интереса, поскольку жертва и ее смерть в них были лишь средством для получения интеллектуального удовлетворения от сбора и анализа улик, разоблачающих убийцу. И все это, конечно, ради извращенного удовольствия, от которого приятный холодок пробегает по спине, когда мы читаем об ужасных вещах, происходящих с другими людьми — реальными или воображаемыми.

В разгар жизни мы ищем смерть, и это именно то, что нам нравится. В своем эссе 1946 года «Упадок английского убийства» Джордж Оруэлл был непреклонен в своем убеждении: пик убийств пришелся на золотой век между 1850 и 1925 годами и пошел на спад. Однако спустя более семидесяти пяти лет кажется, что его заявление об упадке убийств было преувеличенным. Будь то художественная литература или новости — убийство, в отличие от любого другого преступления, завораживает, и наша жажда его подробностей неутолима. Мы приглашаем убийства в свои дома каждый вечер, когда смотрим истории о них по телевизору или засыпаем вместе с ними, затаившимися на прикроватном столике внутри книжного блока. Даже убийство, совершенное в самом маленьком городке или деревне, не может остаться незамеченным и избежать подробного разбора в подкасте или документальном фильме. В драматургии оно выступает в качестве сюжетного поворота. Обнаружить его можно где угодно, начиная произведениями Шекспира и заканчивая мыльными операми. Книжный жанр о преступлениях стал литературным гигантом с тех пор, как викторианцы популяризировали детективы. При этом вымыш-

ленные сюжеты обычно завершаются поимкой преступника и негласным правилом о неизбежном торжестве правосудия, но в реальной жизни раскрытие преступления — только половина истории. Существует множество препятствий, которые необходимо преодолеть, прежде чем пойманный убийца будет осужден и получит по заслугам.

Даже если забыть о мрачной привлекательности, сам акт совершения преступления интересен и сравним с росписью белого холста, где нам дана возможность проецировать всевозможные замыслы. Убийство может быть актом мести или ярости, в другом же случае быть продиктовано корыстными мотивами — или же причинами, известными только убийце. Также убийство может использоваться как инструмент для получения политической выгоды и даже быть делом чести. Кроме того, в то время как некоторые убивают чуть ли не случайным образом, есть те, кто совершает это от безысходности, ведь на кону их собственная жизнь. Из всего этого и получается реальное, невообразимо сложное и бесконечно пленительное преступление, которое прославится и войдет в историю уголовного права. При этом клеймо «убийцы» всегда приводит к гораздо большей стигматизации, чем любое другое. Убийство — единственное преступление, за которое суд может приговорить к пожизненному заключению, и на протяжении XIX и XX веков только оно оправдывало смертную казнь. Закон лишь регулирует это.

Несмотря на то, что убийство проникает во все аспекты нашей культуры, ничего однозначного быть не может, когда о нем заходит речь. Закон, касающийся убийств, представляет собой мешанину устаревших правил, судебных решений и двусмысленных толкований. Привыкнув смотреть и читать о них, на деле мы не так уж и много знаем об убийствах. Ошибочно полагать, что разбираемся в этих преступлениях намного больше, чем есть на самом деле, — очень опасно.

Когда я вносила последние штрихи в эту книгу, в прессе появилась история, подытожившая все противоречия челове-

ческого отношения к убийствам. Имена и детали не имеют значения, поскольку это лишь одна из множества похожих трагедий, которые происходят из года в год. Мужчина убил женщину и утверждал, что это произошло случайно. Он был признан виновным в непредумышленном убийстве. И хотя сам новостной репортаж об этом деле был достаточно беспристрастным, он все же вызвал бурю возмущения и непонимания, а также спор между читателями в комментариях.

Некоторые утверждали, что этому человеку сошло с рук умышленное убийство, а слишком мягкий приговор стал судебной ошибкой. Другие обвиняли жертву в ее собственной смерти и открыто сочувствовали преступнику. При этом многие комментарии свидетельствовали о том, что в большинстве своем люди не разбирались в правовых реалиях умышленных и непредумышленных убийств в актуальном для нашей страны и времени виде. Множество «диванных юристов» заявляло, что убийство никак не может считаться умышленным, поскольку не было спланировано заранее или не было явно преднамеренным. Другие же высказывали свои авторитетные мнения о законе, которые не имели ничего общего с реальностью.

Однако каким бы тривиальным все это ни казалось, заявления «воинов клавиатуры» важно учитывать. Именно они в итоге становятся присяжными заседателями и участвуют в опросах общественного мнения об уголовном правосудии, определяя в дальнейшем государственную политику в области правопорядка. Такие заблуждения могут оказать влияние на то, как система правосудия в конечном счете будет работать для всех нас. Если мы собираемся потакать своим темным сторонам, с интересом наблюдая за смертью в печати и на экране телевизора, то мы обязаны знать еще и о последствиях преступлений, которыми так очарованы.

С точки зрения статистики, коллективная одержимость убийствами совершенно непропорциональна возможности столкнуться с ними в реальной жизни. Каждый год Националь-

ная статистическая служба Великобритании публикует отчеты о причинах смертей в стране за прошедшие двенадцать месяцев. Из года в год лидирующие позиции в этом списке занимают болезни сердца и рак. Что касается неестественных причин смерти, включая убийства, согласно данным Национальной статистической службы, за двенадцать месяцев до марта¹ 2019 года из 519 000 человек, погибших в Англии и Уэльсе, жертвы убийств — только 671 человек. При населении примерно в 58 миллионов, на миллион человек приходится около одиннадцати случаев насильственной смерти.

Однако насколько точны эти данные? Ведь Национальная статистическая служба подсчитывает количество жертв на основании года, в котором их смерть была официально зарегистрирована, а это приводит к погрешностям в результатах. Например, уровень убийств в стране резко вырос в 2003 году, когда 173 человека, предположительно убитых доктором Гарольдом Шипманом, были официально зарегистрированы как жертвы убийств в ходе общественного расследования этого дела. Но сами убийства при этом произошли в 1970-х годах.

Аналогичным образом, данные о гибели девяноста шести человек² во время катастрофы на стадионе «Хиллсборо» в 1989 году появились в статистике только почти тридцать лет спустя, когда в связи со смертью всех этих людей был вынесен новый вердикт следствия о непредумышленном убийстве. Единичные инциденты со значительным числом погибших, такие как террористический акт, также приведут к аналогичному скачку показателя в течение определенного года. С 2017 по 2018 год череда трагедий, включая взрыв на Манчестер-Арене и теракты на Лондонском мосту, также

¹ Национальная статистическая служба Великобритании подводит итоги года с марта предыдущего года (включительно) до конца февраля текущего (включительно). — *Прим. науч. ред.*

² В июле 2021 года коронер постановил, что Эндрю Девайн, который умер спустя 32 года после перенесенного в тот день тяжелого и необратимого повреждения мозга, стал 97-й жертвой. Ранее в число 96 жертв уже включали умершую в 1993 году жертву. — *Прим. науч. ред.*

способствовала росту числа убийств в стране, которое невозможно сравнивать с подсчетами предыдущих лет.

Но даже несмотря на это, из последних данных¹ можно сделать некоторые общие выводы. Первый: мужчины в подавляющем большинстве чаще совершают убийства и умирают от рук убийц. По статистике, 92% мужчин являются подозреваемыми в убийствах и 64% — жертвами. Второй: как для мужчин, так и для женщин, самым опасным местом является их собственный дом, ведь большинство убийств происходит именно там. Третий: более 40% жертв женского пола были убиты их нынешним или бывшим партнером, а мужчин чаще всего убивают друзья или знакомые. Четвертый вывод: незнакомцы — не те, кого стоит опасаться сильнее всего, ведь только 6% жертв женского пола и 22% жертв мужского пола были убиты незнакомцами.

Что касается возраста и этнической принадлежности жертв — по статистике также есть расхождение. По данным за 2019 год, жертвы убийств среди чернокожего населения составляли 14%, за последние двадцать лет это самый высокий показатель². При этом почти половина жертв моложе двадцати четырех лет, что идет вразрез с тенденцией сокращения числа молодых жертв среди «других этнических групп», обозначенной Национальной статистической службой. Также статистика гласит, что женщины-убийцы часто совершают преступления в более старшем возрасте — их примерно вдвое больше во всех старших возрастных категориях, чем мужчин-убийц³. Если го-

¹ На момент подготовки книги Кейт Морган использовала указанные данные, опубликованные Национальной статистической службой за 2015 год. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/compendium/focusonviolentcrimeandsexualoffences/yearendingmarch2015/chapter2homicide>. — *Прим. науч. ред.*

² В докладе Национальной статистической службы за 2019 год несколько иная формулировка: «В прошлом году (с марта 2019 до марта 2020) было 97 жертв среди чернокожих, что составляет 14% от всех жертв. Это на четыре убийства больше, чем в предыдущем году, и самое большое количество жертв среди чернокожих с 2001 по 2002 год». — *Прим. науч. ред.*

³ В категориях «55–64»; «65–74» и «75 и старше» их не просто вдвое, но и в 3–5 раз больше. — *Прим. науч. ред.*

ворить об орудиях преступлений — в течение нескольких десятилетий убийцы в основном использовали «острые предметы». До сих пор колюще-режущие орудия являются наиболее распространенными при нападениях как на мужчин, так и на женщин. При этом лишь в 5% зарегистрированных случаев при совершении убийств использовалось огнестрельное оружие¹.

Простота убийств, изложенная в холодной и жесткой статистике, далека от драматического и в чем-то даже романтического образа Мэки-Ножа. Возможно, мы все еще недооцениваем чудовищность цифр, ведь за каждым заголовком и единицей в статистических данных стоит жизнь и смерть реального человека. Эта книга посвящена реальной истории убийства в Британии, которое мы рассмотрим через призму одного из наших старейших и самых печальных законов. Почти тысячу лет назад, с момента его совершения, к этому известному преступлению были причастны, прежде всего, реальные люди — убийцы и жертвы, чьи дела рассматривались судом; судьи, присяжные и адвокаты, которые вершили их судьбу, а также политики и монархи, которые сохраняли власть над человеческими жизнями даже после вступления закона в силу. Эта часть истории Британии затрагивает серьезные вопросы из разряда: может ли быть лишение жизни оправдано (и возможно ли оправдать такое вообще) или на какие уступки мы должны пойти ради хороших людей, которые иногда совершают очень плохие поступки.

В истории рука об руку с преступлениями идет и вопрос о наказании. На протяжении большей части своего существования закон действовал по принципу «жизнь за жизнь», но убийство было далеко не единственным проступком, влекущим за собой смертную казнь. В течение XVIII века Англия вступила в эпоху так называемого Кровавого кодекса² — тогда

¹ Автор оперирует данными за 2019 г. — *Прим. науч. ред.*

² «Кровавый кодекс» (*англ.* Bloody Code) — уголовное законодательство Великобритании (Англии и Уэльса) между 1688 и 1815 годами. В 1689 году в Англии и Уэльсе насчитывалось 50 тяжких преступлений; к концу XVIII века их число возросло до 220. — *Прим. науч. ред.*

законы один за другим переквалифицировали правонарушения в преступления, караемые смертной казнью. Этот список постоянно пополнялся и увеличивался в геометрической прогрессии. В 1826 году, когда ситуация только начинала меняться, редакторы «Ньюгетского справочника»¹ (популярного сборника печально известных уголовных процессов) отмечали:

Иностранцы обвиняют уголовные законы Британской империи в чрезмерной жестокости в отношении менее тяжких преступлений. Они считают, что смертная казнь должна назначаться только за преступления высшей степени тяжести, и филантропы нашей страны согласны с их мнением. Те, у кого не было возможности разобраться в этом вопросе, вряд ли поверят, что существует более ста шестидесяти преступлений, караемых смертной казнью.

Мы привыкли к тому, что убийство обладает более высоким статусом по сравнению с другими преступлениями. Оно возвышается над остальными проступками в рамках уголовного права. С 1861 года и до отмены смертной казни, спустя чуть более ста лет², убийство стало единственным правонарушением, по которому все еще присуждали эту меру наказания³. После 1868 года все жуткие формальности данного процесса проходили за закрытыми дверями тюрем, это придавало последним мгновениям жизни осужденных убийц еще больше таинственности, которой не было при других преступлениях.

Когда в 1965 году повешение окончательно отменили, смертную казнь заменили на пожизненное заключение. Убий-

¹ Ньюгетский справочник, или Ньюгетский календарь (*англ.* The Newgate Calendar), — книжное издание в шести томах, которое включало в себя биографии преступников, в свое время отбывавших наказание в Ньюгетской тюрьме в период с конца XVIII по XIX век.

² Последняя смертная казнь в Англии состоялась в 1964 году, в 1965 г. была приостановлена и фактически более не применялась. — *Прим. науч. ред.*

³ Утверждение несколько неверное. В 1861 году казнили не только за убийство, но и за государственную измену, преднамеренный поджог доков и пиратство. — *Прим. науч. ред.*

ство по-прежнему остается единственным преступлением, за которое суд должен назначать пожизненное при вынесении обвинительного приговора, однако не все убийства эквивалентны, и вопрос: следует ли ко всем убийцам относиться одинаково, долгое время беспокоил систему правосудия. Вынесение одного и того же приговора, будь то пожизненное заключение или смертная казнь, не учитывало разницу в степени виновности убийц, а также в «оттенках» преступлений, совершенных в рамках одного и того же уголовного правонарушения. И только в XIX веке, благодаря развитию медицинской науки и психиатрии, судам пришлось признать, что некоторые убийцы в равной степени нуждаются в помощи, как и в наказании.

Настоящие факты об убийстве бывают странными, захватывающими и порой значительно более мрачными, чем любой вымысел. Правда, как одеяло, состоит из локутов историй — не только о проступках и воздаянии, но и о справедливости и пристрастности, а также о людях, местах и личных трагедиях. Все это происходит на фоне постоянных социальных изменений и политических катаклизмов. Проследив за хронологией, мы сможем увидеть, какое влияние все эти смерти оказали на наши жизни сегодня. В конце концов, самые страшные истории — те, которые являются правдой.

* * *

В Англии тысячелетней давности правовая система только начинала формироваться. Жизнь в те времена была скверной, жестокой и короткой — причиной тому служило огромное количество насильственных смертей. В те времена у каждого свободного человека существовал вергельд — то, что можно назвать ценой человеческой жизни. Если гражданин был убит —

убийца должен был выплатить его родственникам «бот»¹, или компенсацию за жизнь, в размере стоимости вергельда жертвы. На этом, в общем-то, дело и заканчивалось. С точки зрения закона, выплата компенсации оправдывала действия убийцы, поэтому после нее закон больше не проявлял интереса к преступнику.

Все начало меняться после высадки викингов на берега Англии в IX веке. Королевство, которое они основали, охватило Восточную и Северную Англию. Оно было известно как Денло и подчинялось обычаям и правилам оккупировавших его скандинавов. Одно из правил запрещало убийство датчан на английской земле. Это стало самым ранним примером признания убийства в качестве особой категории преступлений на законодательном уровне. Оно проложило путь к более четкому обозначению убийства как преступления в последующие столетия.

Примерно в X веке где-то внутри «первобытного супа», древнеанглийского и бастардизированного французского языков возникло понятие «мордор». Это был первый случай законодательного разделения убийств по категориям, хотя ученые расходятся во мнениях относительно первоначального значения слова «мордор»². Оно было связано, а возможно, и являлось прямым производным от французского *mordre* и немецкого *morth*. Оба этих слова обозначали убийство, которое пытались утаить. И именно попытка сокрытия выделяла его в особую категорию. Ко времени правления короля Кнуда — первое десятилетие XI века — понятие морд или мордор, как правило, относилось к тайному убийству и, что особенно важ-

¹ Вот (*англ.*) — штраф, связанный с вергельдом у англосаксов и ранних франков. Включал различные виды компенсации за причиненный ущерб, а также пособия на ремонт домов и инструментов для тех, кто жил в поместье. Другой, *wite*, был штрафом, выплаченным королю преступником в качестве искупления содеянного. Если преступление было преднамеренным, должны быть выплачены как *wite*, так и *wergeld*; в противном случае было достаточно простого *wergeld*.

² Есть предположение, что Дж. Р. Р. Толкин позаимствовал этот термин, когда искал название для своего вымышленного королевства Средиземья, которым правит Темный лорд Саурон. — *Прим. авт.*

но, к такому, которое нельзя было искупить простой выплатой вергильда. В скором времени после этого подобные преступления были переименованы в *murdrum*, или «мердрум», и начали караться смертной казнью. Изменения в законах были приняты во время правления Эдуарда Исповедника — между 1042 годом и нормандским завоеванием в 1066 году. С тех пор незаконное убийство стало преступлением, расследованием которого занималось государство, а не просто вопросом компенсации между гражданами.

То, что мы сейчас понимаем под «убийством», является прямым потомком «мердрума», однако между этими понятиями есть существенные различия. «Мердрум» сохранял значение тайного убийства, присущее оригинальному «морду», а другие убийства, даже если и были преднамеренными, рассматривались как менее тяжкие, а иногда вообще не считались преступлениями. И только во времена Средневековья взгляд на убийства начал меняться, и эти изменения остаются актуальными и по сей день для фундаментального анализа категорий. Тогда акцент сместился с тайного характера деяния на злой умысел, служащий мотивом убийства. Юридические тексты XIII века разделяли убийства на «преднамеренные» и «случайные». «Мердрум», как правило, относился к категории преднамеренных. На протяжении XIV века этот термин все чаще появлялся в официальных отчетах и юридических документах, постепенно превращаясь в «мердер» или *murder*, что в переводе с английского и означает «убийство». Немного больше времени понадобилось для появления концепции непредумышленного убийства как второстепенной категории убийств. Это слово впервые упоминается в юридическом трактате начала 1500-х годов, и только в середине века юристы и суды начали серьезно интересоваться различиями между этими двумя типами преступлений.

К тому времени, когда известный юрист сэр Эдвард Кок работал над своим знаменитым учебником по юриспруденции